

Е. Л. Березович, О. А. Кожеватова

О РАБОТЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1994 г.

В августе 1994 г. работы Топонимической экспедиции (ТЭ) проводились на традиционной для уральских топонимистов территории Русского Севера. Для обследования были избраны Вашкинский район Вологодской области (полностью) и Онежский район Архангельской области (частично: береговая линия Белого моря — 6 сельских советов и устье реки Онеги — Кокоринский сельсовет). Данные территории интересны отраженным в языке сочетанием русской архаики и результатов активных контактов русского населения с прибалтийско-финскими народами. Обе зоны знакомы ТЭ УрГУ: в Онежском районе сбор топонимии был проведен в 1961—1962 гг., в Вашкинском — в 1970. Однако собранный ранее топонимический материал нуждался в проверке (многие топонимы имели единичные фиксации); кроме того, в ходе экспедиций 60—нач. 70-х гг. диалектная лексика записывалась фрагментарно (в основном географическая терминология). Работа над “Словарем говоров Русского Севера”, которая ведется сейчас сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ, потребовала расширенного сбора лексики на этих территориях. Накопленный экспедицией за многие годы арсенал методов полевой работы обусловил высокую результативность вторичного сбора материала.

В экспедиционных работах участвовало 27 человек (18 — в составе Вашкинского отряда; 9 — в составе Онежского отряда) — преподавателей и сотрудников кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ, а также студентов и выпускников филологического факультета УрГУ. Начальник Топонимической экспедиции (и Вашкинского отряда) — доцент М. Э. Рут, зам. начальника экспедиции — ассистент Е. Л. Березович, начальник Онежского отряда — аспирант О. А. Кожеватова.

Собранные материалы составляют около 25 тыс. единиц хранения (полевых карточек): диалектная лексика — более 10 тыс. ед., русская по происхождению топонимия — ок. 9 тыс. ед., субстратная и заимствованная топонимия — более 4 тыс. ед.; антропонимия (коллективные и индивидуальные прозвища) — ок. 600 ед.; этнографические и фольклорные материалы (приметы, поверья, легенды и т.п.) — ок. 500 ед.

Характеризуя собранную экспедицией диалектную лексику, следует особо отметить лексемы (предположительно финно-угорского происхождения), не зафиксированные “Словарем русских народных говоров”, а также другими словарями по территории Русского Севера (“Архангельский областной словарь”, “Словарь вологодских говоров”, словари В. И. Даля, Г. Куликовского и А. Подвысоцкого): *агриком* — “вместе, сообща”, *винбол* — “неуклюжий человек”, *воендук* — “каменистая отмель в озере”, *ильга (ильма)* — “лунка для подледного лова рыбы”, *кажболо (качболо)* — расстояние между узлами на веревке-основе рыболовного невода”, *каранцы, лати* — “чашелистики морковки”, *мырга* — “колышек на носу лодки, за который крепится якорный канат”, *юмочка* — “норка морского червя”, *ялгач* — “ложбина между горами” и т.п. Для некоторых субстратных или заимствованных лексем зафиксированы новые значения: *сарга* — “земельный надел”, *сельга* — “продолговатая прорубь для

подледного лова рыбы” и др. Можно выделить также не отмеченные словарями русские по происхождению лексемы: *божок* — “горшок для пива”, *буйполе* — “игра с мячом”, *выем* — “мифическое существо, хозяин огорода”, *дохало* — “топор”, *коряком* — “безвозвратно”, *мятус* — “стебли злаковых после обмолота”, *оторапск* — “невспаханная полоса”, *пазорма* — “отходы от обработки льна”, *раич* — “глупый человек” и мн. др. Отметим также вновь зафиксированную фразеологию: *вороний день* — “седьмой день после смерти”, *выдру поймать* — “зачерпнуть воды в сапог”, *лебеди летят* — “пожелание могуществу пол”, *на собаку навалило*, *на две растаяло* — “о позднем снеге”, *уха егорка* — “грибной суп” и др.

Весьма результативным оказался также повторный сбор топонимии. Можно отметить ранее не зафиксированные ТЭ субстратные названия (неизвестные на всей территории Русского Севера): *Касарма*, *Мударак*, *Сависельга*, *Самсорок*, *Хатламба*, *Шимшелга*, *Юмгорка* и др. Вообще, около $\frac{1}{4}$ от всех собранных в этом сезоне субстратных топонимов оказалась зафиксированной впервые для Онежского района, около $\frac{1}{6}$ — для Вашкинского. Уточнены фиксации записанных в 60—70-е годы топонимов, что помогает в этимологизации неясных ранее форм, а также названий, допускавших различные пути интерпретации (например, фиксация топонима Линдгора оправдывает возведение зафиксированной ранее формы этого названия *Линдгора* к карел. *lindu* — “птица”; представленное в новых материалах название *Няндручей*, зафиксированное прежде как Нядручей, заставляет отвергнуть выдвинутую ранее версию о связи его основы с карел. *peada*, весп. *pad* — “куница”, а рассматривать название как восходящее к карел. *mandu* — “сосна” с последующей ассимиляцией и т.д.) Более чем двадцатилетний промежуток, отделяющий нынешнюю экспедицию от предшествующих, позволяет путем сравнения фактов, отражающих разные периоды функционирования названий, наметить некоторые тенденции, характеризующие бытование субстратной топонимии в русской среде (например, унификация прежде варьировавшегося форманта —*нема/ —мена/ —мина* в форме —*мина*, словообразовательное преобразование субстратных топонимов по моделям русской топонимической системы (*Райозеро* — Райское Озеро), народноэтимологическое переосмысление (*Шивозеро* — Вшивозеро, *Юреньга* — Юрина, *Пертболото* — Петрушечье и др.). Зафиксированы интересные в словообразовательном, мотивационном, этимологическом отношении русские топонимы: ручьи *Семибратчина*, *Девятибратчина*, гора *Червеная* (“красная осыпь там”), поле *Дежневое* (“последним убирали его”), болото *Сотуга*, поле *Пегуша* и др. Некоторые русские по происхождению топонимы обнаруживают связь с финскими (в широком смысле слова) фольклорными мотивами: омут *Коровья Яма* (“оттуда коровы выплывали перед штормом”), поле *Зычное* (“оно такой длины, до какого места зык у одного мужика слышен был”) и др.

Таким образом, экспедиционный сезон 1994 г. оказался для уральских топонимистов плодотворным. Собранный материал ждет своих интерпретаторов.